

Иван Яцук

Весёлые пилюли
смехотерапии - 2

18+

Иван Макарович Яцук

Весёлые пилюли смехотерапии – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43656333

SelfPub; 2019

Аннотация

В очередной сборник юмористических произведений украинского писателя Ивана Яцука вошли юморески, фельетоны, памфлеты, сатирические миниатюры, лирические рассказы разных лет. Читатель легко угадает, в какое время они написаны, так как юмор советского периода легко отличить от юмора начала нового века или сегодняшнего времени. В процессе знакомства с творчеством писателя, думается, читатель оценит и его эрудицию, и разнообразие поднимаемых проблем, и нестандартность, оригинальность описываемых ситуаций.

Содержание

Аннотация	4
Строго научный подход	5
Наставил...	9
Комплексная подготовка	16
Сплошные комплименты	20
Приемные экзамены.	23
Дождлся	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Аннотация

В очередной сборник юмористических произведений украинского писателя Ивана Яцука вошли юморески, фельетоны, памфлеты, сатирические миниатюры, лирические рассказы разных лет. Читатель легко угадает, в какое время они написаны, так как юмор советского периода легко отличить от юмора начала нового века или сегодняшнего времени. В процессе знакомства с творчеством писателя, думается, читатель оценит и его эрудицию, и разнообразие поднимаемых проблем, и нестандартность, оригинальность описываемых ситуаций. Написанные легко, свободно, раскованно, с доброй, светлой улыбкой, с любовью к людям и непримиримостью к недостаткам нашей повседневной жизни, произведения писателя-юмориста помогут читателям поднять настроение, настроиться на деловой лад или весело провести свободное время.

Строго научный подход

К заводской столовой имелось множество претензий со стороны всяких проверяющих: в подсобных помещениях тесно, нет камеры для пищевых отходов, отсутствует вытяжка на кухне и вообще с вентиляцией плохо, нет комнаты психологической разгрузки персонала, не разделяются потоки сырой и готовой продукции— да мало ли что могут придумать умники из всяких инспекций.

В конце концов было решено, что дешевле произвести реконструкцию, чем каждый день отоваривать инспекторов. На этот раз к делу подошли строго по-научному. Заказали проект, оплатили. Наконец какой-то панированный сухарь в очках принес толстую папку чертежей и стал монотонно, скрипучим голосом, объяснять суть изменений, которые должны в корне изменить условия труда и отдыха работников черпака и сковородки.

Он то и дело раскрывал пухлую папку и тыкал указкой в какие-то таинственные линии и кружочки: видно, намекал, иуда, что заведующий столовой— ботаник по образованию. Он, то есть заведующий, мудро глядя в чертежи умными, добрыми глазами, понимал в них только подписи.

С педантом от черчения во всем согласились, поблагодарили и со свертком под мышкой отпустили. Подробности обсуждали келейно. Заведующий, оглядев свиту, вкрадчиво

спросил:

– Не правда ли, замечательный проект?

Кассир, не заметив подвоха, тут же поддакнула:

– Теперь хоть повара не будут надоедать: им, видите ли, дым глаза ест и на легких какой-то осадок.

Все поняли ошибку кассира, когда Алексей Петрович уставился на бедняжку тяжелым, долгим взглядом:

– А теперь скажите,— он вдруг включил себя на полную мощность,— долго я буду сидеть в этом карцере?— Шеф даже сгорбился, показывая, как ему тесно.—Нужного человека нельзя принять, обслужить, как следует. Приличной планерки не проведешь,— строго отчитал он присутствующих.

Все согласились, что, действительно, комната заведующего не по рангу, но так как никто не понимал кабалистических знаков из объемистой папки с чертежами, то Алексей Петрович самолично отмерил в торговом зале три шага и указал границы будущего своего кабинета.

Тут не выдержал кладовщик:

– Как это « Будете работать на полуфабрикатах»? Это даже очень смешно, Алексей Петрович. И совсем неумно. На базу надейся, а сам, как водится, не плошай. Одна только курица от себя гребет, потому что у нее мозги куриные. Разделка— главная часть наших излишков, зав производством не даст соврать. Черт с ними, с этими полуфабрикатами— изыди, сатана!

– Правильно!— согласился заведующий.—Разве эти чер-

тежники знают обстановку на местах? Полуфабрикат— это пирог ни с чем. А если забежит на огонек пожарник? А ежели санврач? Нет, мясо на кости— это лучший ответ Чемберлену. Ты вот что, Павел Кириллович: покажешь строителям, насколько расширить склад. Соображаешь? Только действуй по-научному, не тяни одеяло на себя.

Тут в полемику вступил шеф-повар:

— Слушал я вас, слушал, а на сердце, как перед ревизией. Каждый только о себе думает. А если проверочка?— румяное от недовлжений лицо главного повара хитро сощурилось.— До кого ведут?— Он опять сделал многозначительную паузу.— Ко мне ведут! А мне куда вести? В общем так: или будет отдельная комната, или я снимаю с себя всякую ответственность за результаты проверок.

— Ты нам атомным оружием не угрожай, Аскольд Ярополкович,— сурово одернул шеф-повара заведующий.— Не надо сжигать мосты.

Но угроза подействовала. Согласились и с Аскольдом. Кроме того, учли множество других новшеств масштабом поменьше. Напоследок заведующий осторожно собрал папку с чертежами и, отвечая на немой вопрос присутствующих глухо сказал:

— Все-таки две тыщи рубликов стоила, понимать надо...

После этого папка навечно обосновалась в сейфе, как вещественное доказательство сугубо научного подхода к проблемам улучшений условий труда. Реконструкцию провели

по всем правилам: расширили кабинет заведующего, выделили отдельную комнату шеф-повару, увеличили склад продуктов, а заодно внесли еще 50 крупных новшеств, не считая мелких.

Правда, не обошлось без эксцессов. Опять жаловались работники столовой на дым, на тесноту, но что поделаешь— всем не угодишь. Проверяющим в самых ответственных случаях торжественно извлекали из сейфа загадочную папку с чертежами и утверждали, что все сделано по проекту.

Наставил...

Мария Степановна Вакуленко читала сообщение, и сердце ее радостно дребезжало, как у карася, который удачно сорвался с крючка. Наконец-то. Поступила. И не куды-нибудь, а в столичную академию. Это вам не хухры-мухры. Держитесь, родственнички и соседи. Вакулиха вам всем нос утерла.

Старшенький, слава богу, отучился, а теперь и дочка в люди выходит. Пришлось, конечно, откопать заветную банку с у.е., закопанную по всем правилам консервирования и конспирации, но для этого ведь и консервировали, чтоб в нужный момент сказать миру, что Вакуленки даром время не транжирили, рано вставали и поздно ложились и по ночам еще кумекали, как подешевле купить и подороже продать.

Зато какие перспективы открываются! Женихи в столице при деньгах, смотришь – выскочит Катька за какого-нибудь «нового», будь он русским, украинцем или с Кавказа, лишь бы как сыр в масле каталась, да родителей не забывала. А в ихнем поселке одна голь-моль перекатная: или наркоша, или начинающий алкоголик, или слесарь с видами на шиномонтаж. Порядочных давно разобрали. Катьке с ее манерами не угнаться за шустрыми стервочками, которые так и зыркают глазами кого б подцепить пожирнее, в смысле денег.

Взять хотя бы ее сына Сергея. Сколько их лезло во двор, мошек званых и незваных, сколько помоев со злости она

вылила на претенденток в невестки?! Приедет Сережа после тяжелой учебы на каникулы, а они уж тут как тут, всякие: блондинки, брюнетки, шатенки, крашенные-перекрашенные. И норовят сунуться под любым предлогом: то соседки они, то одноклассницы, то вместе в кружке каком-то занимались, то в одном автобусе когда-то ехали. Она их, слава богу, всех отвадила, всех откостыляла, хотя и без пользы. Выбирал-выбирал сынок, да и выбрал такую гадюку, что не приведи господь, спаси и сохрани. Что он в ней нашел? Ни кожи, ни рожи, в доме ни за холодную воду. Пробовала она, Вакулиха, невестку нежданную приструнить, да где там— так двинула свекровь, что у той неделю кости болели.

С тех пор для Марии Степановны все хорошо, лишь бы не трогала. Вот бы Катьке так поставить дело. Да где ей! Правда, подсвинка килограмм под тридцать на руках запросто носит. И невестку как-то схватила за горло так, что та только хр-хр— и бац в обморок. Еле отходили. Пришлось с двумя хряками распрощаться на больницы и участкового полицианта.

После этого случая Мария Степановна уговаривала дочку: «Катя, не лезь не в свое дело, бери вилы и скирдуй, зарабатывай на учебу и береги силы для свекрови».

Вот и заработала, касаточка, дай ей бог здоровья. Ума у дочери палата, в школе почти ничего не платили за уроки. Ну так иногда, бывало, подкинешь то мясца, то сальца, то десятка три яиц, самых мелких, но не каждый день, боже упаси.

Бывало, неделя-другая проходит, а от учителей ни гугу. Молодец, Катька, прямо не нарадуешься. А уж до работы—зверь. Позже десяти никогда не встает. Будишь: Катя, вставай, коровы недоены. Оно, бедное дитя, вскакивает, тебя отодвинет одной рукой, как былинку, шасть в коровник, три литры молока опрокинет в себя— и за работу. А уж работает— не подходи. Козел однажды на нее сдуру, по молодости своей, пошел, так она его за рога— и шею свернула.

Козел, правда, всего трехлеток, но все равно теперь переживаешь за скотину, а потом надо будет переживать еще и за всех студентов академии. А ну как вдруг кто-то ее обидит— отвечай потом за убийство или плати всю жизнь инвалидность.

Катенька — девушка скромная, нераспущенная, за ней нужен глаз да глаз, как бы этот Вавилон ее не совратил. Загуляет, как телка, когда пора придет— попробуй удержи; того и гляди, что принесет в подоле: на, мамочка, бери, воспитывай, а мне еще надо учиться. Тогда прощай и богатые женихи, и замужество, и спокойная, состоятельная старость. О-хо-хо...

Мария Степановна еще несколько раз перечитала долгожданное сообщение: «Вакуленко Екатерина Николаевна зачислена на первый курс...» и пошла управляться по хозяйству. Но после первого приступа радости ее все чаще стали посещать тревожные мысли. Мало того, что придется раскошелиться на учебу, квартиру, наряды, да и аппетит у Ка-

теньки дай бог каждому, так еще переживай за ее поведение.

В Киеве ведь столько соблазнов, а ее Катенька привыкла ни в чем себе не отказывать. Запутают девку в этом Содоме. Там казины всякие, можно и все их хозяйство проиграть. И опять же девическая честь. Пройдоха какой-нибудь надругается— и будь здоров. Со скоростью у Кати не все хорошо, может и не догнать, или проспит— за ней это тоже водится.

Всю последующую ночь Вакулиха провела в тревожных размышлениях о судьбах дочери. Выходило, что надо на первых порах ехать вместе с ней. Но тут выросла непреодолимая преграда в виде законного вопроса: а кто будет работать?

Задача никак не поддавалась решению, несмотря на недюжинные умственные способности Вакулихи. Она и так и сяк вертела эту проблему, поворачивала разной стороной, но вывод следовал один и однозначный: второй и последней банки явно не хватит до Катенькиного замужества. Оставалось уповать только на ум дочери и ее благоразумие, что не казалось Марии Степановне таким уж прочным основанием Катенькиного благополучия.

Ума у Катеньки выше крыши, если учитывать потребности поселка, но хватит ли его для этого Лас-Вегаса с его искушениями? В этом Мария Степановна не имела надежной уверенности и решила к этой проблеме подключить сына с его знанием столичных соблазнов и способов, как с ними бороться.

—Сережа,— сказала поутру Вакулиха, обращаясь к сыну,— я

знаю, что ты любишь свою сестричку. Я тебя прошу: наставь ее, непорочную, как вести себя в Киеве, с кем и как знакомиться, кого привлечь, а кого и легонько двинуть так, чтобы летел вверх тормашками, но без смертельных последствий.

Подскажи, как и где можно экономно питаться; карман, сам знаешь, у нас не бездонный; где подешевле одеться, чтобы и модненько, но и без разбору. А самое главное, чтобы она девичью честь сохранила для мужа, чтоб детей до времени не наплодила, чтоб жила по пословице: береги платье снову, а честь смолоду. Поможешь, Сереженька?

– Нет вопросов, мама, – бодро ответил сын. – Конечно, поговорю, подскажу, что и как, проведу полный инструктаж, раскрою глаза на все возможные вызовы столичной жизни, а также дам полную классификацию пороков и соблазнов, которые встречаются в столичной жизни.

На все пороки, конечно, ей денег не хватит, но представление о них она получит. Как говорил один профессор, знания за плечами не носить. Ну и все меры предосторожности я ей выдам, так что возвратится в целости и сохранности. Правда, на такую рохлю там вряд ли кто позарится, но всякое бывает. Не выскочит там – здесь кого-нибудь да обдурим.

– Сынок, – с удивлением и подозрением сказала Вакулиха, – а я и не знала, что ты так подробно знаешь все столичные пороки и соблазны. Я все недоумевала, куда девается такая прорва деньжищ.

– Мама, это чисто теоретически, – успокоил ее сын, – чисто

теоретически.

– Спасибо, сынок, уважил,– сказала растроганно Мария Степановна и смахнула благодарную слезу.

На следующий день Вакулиха тихонько подошла к двери комнаты, где разговаривали брат и сестра, прислушалась. Разговор, видимо, был жаркий. Сергей что-то горячо и восторженно рассказывал, а Катя затравленно кричала: «Я заткнула уши, я ничего не хочу слышать».

«Правильно, сынок, правильно,– похвалила Мария Степановна, отходя от двери,– пусть уж лучше родной человек расскажет про эту столичную скверну, нежели сама рылом ткнется».

Про рыло мать сказала по инерции, так как политесов никаких не изучала, а если и изучала, то подзабыла. Наоборот, лицо у Катеньки пригожее, тугое, как яблочко наливное, и совсем, кстати, не рябое, а больше в легкую крапинку, очень даже симпатичную на девичьем бархатном личике.

Вот неделя проходит, другая. Пора собираться в дорогу. Зарезали корову и кабанчика. Корову на базар, половину кабанчика тоже, вторая половина пошла на проводы. Гуляли с таким размахом, что едва на поезд не опоздали. Впопыхах Мария Степановна в последний раз проверила, все ли положила во второй Катенькин чемодан. Она уже собиралась его закрывать, когда из бокового карманчика вдруг выпал целлофановый пакетик. Мать сперва покрутила его в руках, не понимая назначения, но потом до нее дошло.

– Катя,– гневно задохнулась Мария Степановна,–что это такое, паршивка ты эдакая?!

– Что такое, что такое,– огрызнулась дочь. – Презервативы. Твой Сереженька порекомендовал взять и постоянно иметь при себе. Это главный совет, который он мне дал.

Марии Степановне осталось только развести руками.

Комплексная подготовка

–Внимание, внимание! Отдохнули? Очень хорошо. Продолжим наше занятие. Сосредоточились, углубились в себя. Поиск духовного начала, дороги к храму, накопление сил для мощного творческого разряда.

– А пиво можно?

–Повторяю, никаких стимуляторов. Поиск внутренних резервов души, активизация жизненного опыта, мудрости, таланта, черт возьми. Так, работаем. Дрюцкий, ты в главной роли. Созрел?

– Еще кисловат.

– Ничего, ничего, через тернии к звездам. Метишь в звезды?

– Ну скажете, Клавдий Митрофанович, Я пока еще на второстепенных ролях, сами знаете.

– Вот и дерзай, наигрывай. Сейчас репетируем сцену. В эпизоде, значит, герой получает коварный удар в спину. Это его подкашивает, он падает, он страдает, и не столько от физических, сколько от душевных мук: он не ожидал такой подлости, такого коварства. И когда? В минуту, когда все решается в жизни героя: здоровье, работа, место в жизни, результат тяжких многолетних трудов. Ну, Дрюцкий, падай...

– Доски, Клавдий Митрофанович. Жестко.

– Я тебе дам– жестко! Падай, говорю.

– Ну падаю, лежу.

– ...гну. Тебе сказано: как подкошенный...

– Подстелите хоть что-нибудь. Больно же.

– Садитесь, Дрюцкий. Как там у Высоцкого? «Он сказал: капитан, никогда ты не будешь майором...». Васьков, на сцену. Тебя сзади саданули по ногам. Ты падаешь. Изобрази.

Васков неуклюже падает.

– Не верю! Ну кто же так падает, Васьков, с переломанной ногой? Прогнулся в позвоночнике, замер на секунду, широко раскинул руки, как будто ты обнимаешь земной шар в предсмертном прощании. И... всей массой рухнул на пол, то есть на землю. Пошел. Второй дубль.

Васьков падает более картинно.

– Нет, нет и еще раз нет. Где экспрессия, где невыразимое страдание на лице? Ничего этого нет, а без этого душевного потрясения, зритель опять скажет: не верю. Кто у нас еще в запасе? Вышкварка. Помню, помню. У вас нечто подобное было, и вы мне тогда понравились. Подойдите ко мне, повторим этот момент. Падайте.

Вышкварка с грохотом падает.

– Не верю. Не-ве-рю. Вы падаете физически. Физически вам больно. Но где сверхзадача, где новое прочтение ситуации? Вы должны показать в этом кусочке жизни крах всех надежд, абсурдность дальнейшего существования. Еще раз, не думайте о теле, торжествует дух, дух этот страдает. Так, значительно лучше, Эдик. Только заключительную фазу

усиль. Ты еще не на земле, ты вот-вот коснешься ее, но уже спрашиваешь своего противника: и ты, Брут? Обязательно спрашивай. И получив положительный ответ, обращаешься глазами к небу, к верховному судие, мол, он меня ударил, но я его прощаю, ибо он не ведал, что творил, а вы, как судия, уж решайте, как его наказать по всей строгости законов вышших.

– Клавдий Митрофанович...так это, значит, я его прощаю? Он меня в спину...на землю...а я его прощаю? Но это выше моих сил, я могу сорваться!

–Да-да, ты его прощаешь. В этом весь смысл этой мизансцены. Зрители оценивают твое благородство, они многократно усиливают твою немую мольбу к Судие. И Судия внимает твоему призыву достойно наказать за содеянное.

Еще раз пройдем этот кусок. Итак, первая фаза– падение. Затем игра исключительно скупыми средствами выразительности: только одно страдающее лицо. Но какое лицо?! Полное физической и душевной муки. Переходы чувств от простого желания вскочить и дать в морду до полного отрицания себя, как такового, до всепрощения. Только игра мимики, она должна быть предельно богатой, как стол на свадьбе засидевшейся дочери. Вот тогда и я, а со мной и зритель вам поверит. И главное, Судия воздаст нарушителю по делам его. Грех будет наказан, а правда– правда художественная восторжествует. Афонькин, на сцену.

Афонькин нехотя выходит.

—Хочешь играть?

—Естественно.

— Тогда занимайся аутогенной тренировкой. По Станиславскому. «Маску гнева» тренируй, «маску страдания», «маску удивления». Расслабление мышц лица очень важно. Это и в жизни поможет. А сейчас пока набивайте шишки на этом пути, и пусть никакие доски вас не страшат. Афонькин, падай... Для первого раза неплохо. Но я просил бы не вскакивать сразу. Сделать паузу. Я же рассказывал вам, что значит пауза в спектакле. Это все. Кто овладел искусством паузы, тот овладел актерским мастерством. Ни больше, ни меньше— вот в чем фокус. И еще: не совать ни руками, ни ногами, ни тем более кричать, ругаться, спорить. В центре внимания только лицо. На нем написано: «Я умираю». Но умираю, как воин, честно исполнивший свой долг. А убийцам моим да воздастся. Все приготовились. Отрабатываем первую фазу. Полчаса. Старайтесь довести падение до автоматизма. Тогда придет и эффектность. И не лениться, не бояться ушибов и шишек. Тяжело в учении— легко в бою.

...Закончили? На сегодня все. У кого синяки— советую приложить медные пластинки. Это в наше время большой дефицит, но при желании достать можно. И отдыхать. Завтра у нас очень ответственный матч.

Сплошные комплименты

Здравствуйте, Мария Алексеевна! Как вы сегодня великолепно выглядите. Прямо не узнать— почти совсем, как нормальная женщина. И где делись эти тяжелые мешки под глазами, словно вы из запоя никогда не выходили. Вот что значит умелый макияж. Теперь и ваша вечно дряблая кожа выглядит как-то свежее, вам уже можно дать ваши пятьдесят два года.

Сорок три?— какая разница, говорю же свежее, хотя и ненамного. А волосы, волосы-то какие! Оказывается, у вас приличные волосы, если мыть их даже раз в месяц. Два раза в неделю? — ни за что бы не подумала; значит, носили как-то не так— вечно они у вас жирные, салистые, растрепанные, как у старухи Шапокляк, смотреть противно. А сегодня они у вас— прелесть с вами уже можно рядом сидеть.

Сережки в ушах, небось, прабабушкины? Вчера из магазина? Надо же! Они мне показались верхом безвкусицы, но по сравнению с обычной вашей безвкусицей— просто чудо. И так гармонируют с вашей верхней заячьей губой и двумя стальными зубами. С остальным ничем не гармонируют, а с этими двумя клыками— отлично.

Признайтесь, Мария Алексеевна, платьице в секонд-хенде отхватили?

Или в том, что торгует отечественным барахлом? Из Па-

рижа родственники привезли? Очень-очень мило. Вы прямо барышня, Мария Алексеевна. А походка— это же походка совсем другой женщины. Легкость, стремительность— ни дать ни взять светская львица, эдакая девица легкого поведения.

За вами, Мария Алексеевна, скоро начнут ухаживать. Не хмурьтесь, не хмурьтесь, не превращайтесь в обычную жабу, какой вы всегда бываете. Дайте на вас наглядеться, запомнить вас нормальным человеком, хоть и с этой дикой розой на груди, и в этих башмаках, в которых разве что по сказкам ходить за тридевять земель, пока не изотрутся.

И вот что, Мария Алексеевна. Раз уж вы так вырядились ни к селу ни к городу, так уж выкиньте свой ридикюль образца двадцатых годов прошлого столетия, вам же не на фронт, на дворе новая эпоха, а он у вас весь в звездах. Последний писк? Гм. Ну может, тогда я отстала, и теперь опять в моде женщины а ля Фаина Раневская в худших ее проявлениях и со всеми ее причандалами, или, как теперь говорят, прибамбасами. Не знаю, не знаю, вполне может быть, но вот, что у вас одна бровь дугой, а вторая стрелой— это уже ваша фантазия, это вполне в вашем стиле. Это, любезная наша Мария Алексеевна, надо немедленно поправить, пока остальные сотрудники не видели. Это уже, как говорится, нон пассаран— не пройдет.

А в общем, очень недурно. По крайней мере, Мария Алексеевна, теперь за обедом все будут обсуждать, как дурно вы одеваетесь, раньше не о чем было даже говорить. Будьте здо-

ровы, успехов вам, Мария Алексеевна. Думаю, вас наконец заметят. Столько комплиментов вам наговорила – сама удивляюсь.

Приемные экзамены.

Коридор. Дверь одного из кабинетов. Висит табличка: «Тихо. Идут приемные экзамены». Сотрудники учреждения на цыпочках проходят мимо. Однако молодежи не видно, возле двери группа солидных мужчин и женщин с красными от волнения лицами. Все ждут вызова. Наконец ленивый молодой голос изнутри:

– Следующий.

Очередник, помолясь, осторожно входит. В кабинете за широким дубовым столом, развалясь, сидит юный повеса и скептически смотрит на вошедшего:

– Должность?

– Проректор по учебной части физико-химического университета Самохин И. В.

– Почему не на должном уровне?

– Видите ли, наш ректор на приемных экзаменах у сына президента компании «Соловкинефть». Уважительная причина.

Юнец хмурится, долго молчит, потом все же роняет вопрос:

– Что я из этого поймею, если поступлю в ваше заведение?

– Извините, я от волнения не понял, что что?

– Гражданин, вы понимаете, куда вы пришли?

– Ну на экзамены, на тендер.

–Пожалуйста, без «ну»– гвозди гну. Если пришли на экзамен, на тендер, тогда внятно и понятно докладывайте тендерные возможности. Или вы не знаете, что такое тендер. Судя по вашему возрасту и поведению, можете и не знать.

– Что вы, что вы...ну как же...мы тоже не стоим на месте...в курсе...

– Ну так выкладываете ваш курс. Уже две минуты прошло, а вы ничего путного еще не сказали. Время– деньги.

– Хорошо. Если вы к нам соизволите поступить, то у нас традиционный крепкий университет. Надежная материальная база, сплоченный профессорско-преподавательский коллектив. Мы даем надежные, основательные знания, у нас много докторов и кандидатов, дисциплина лекций..

–Ну и зачем я тогда вам нужен, если у вас так все хорошо?

– Ну...ну недостаточное финансирование...есть проблемы с новым оборудованием...

– Опять «ну». Баранки гну. А еще проректор. М– да, мне все ясно. Следующий.

– Я представляю частный 436-й университет на Абрикосовой.

– Ну и ...

– Значит так: есть профессор 1915 года, можно водить за нос; кроме того два кандидата в кандидаты и три кандидата в кандидаты в кандидаты, остальные– крепкие специалисты народного хозяйства, попавшие под сокращение.

–Я не понял: профессор ваш 1915 года или с 1915 года?

– Весьма остроумно с вашей стороны. Старенький, конечно, но еще кое-что слышит и говорить умеет, не разучился. Очень либеральный к студенту, учиться будет легко.

– Ладно, это я так – к слову. Дальше.

– Свободный график посещения. В аудиториях тепло с апреля и по самый октябрь включительно. И наоборот, прохладно с ноября по апрель. Регулярно выплачивается стипендия, если плата за обучение...

– Спасибо, вы свободны. Следующий.

– Филиал Курской академии экстремальных ситуаций.

– Слушаю вас внимательно.

– Оплата всего на год вперед. Свободное посещение занятий. Экзамены со всеми имеющимися у вас шпаргалками, учебниками и конспектами. Дипломная практика в Чечне и в среде итальянской мафии. При выживании – диплом с отличием. Гарантированное направление в одну из фирм с льготным налогообложением и высокой смертностью персонала. Быстрое продвижение по служебной лестнице обеспечено.

– Я не из робкого десятка, меня этим не испугаешь.

– Вот-вот, поэтому вы должны учиться у нас.

– Следующий!

– Филиал Воронежского института обхода налогов слева и справа.

– Очень приятно. Что вы можете предложить?

– Буду предельно краток, как и все у нас. Никаких лекций, курсовых работ, зачетов и прочей муры. Работа с адвокатами

и в судах. И несколько тестов по физической подготовке.

– Интересно, каких именно?

– Например, задержка дыхания на три минуты?

– Это зачем же?

– Это на случай если вас будут топить за долги. Три минуты вы должны выдержать, а потом притвориться утонувшим, тогда появится шанс на спасение. Головой в ванну шмяк-шмяк, а вы уже к этому готовы. Потом еще существует тест на десятидневное голодание.

– А это зачем?

– Гм...ну если в долговую яму. Но это бывает не очень часто. Но мы и к этому готовим.

– Увлекательная перспектива. Спасибо. Зовите следующего.

– Академия окулътных наук. Международная сертификация, диплом действителен в Арктике и в Антарктиде, а также в бассейне реки Амазонки со всеми ее притоками. Наши выпускники являются лауреатами Международных премий графа Калиостро и товарища Остапа Бендера, турецкоподданного.

– Ваши условия?

– Наше условие одно– деньги вперед.

– А без денег никак нельзя?

– Исключено. Деньги– это наше самое тайное и магическое слово. С его помощью открываются все замки и двери, проходят сквозь стены. Тайное становится явным, некраси-

вые— красавицами и красавцами, глупцы— умниками, бездарии— гениями. Мы учим оперировать с этим словом, деньги— это наш амулет, без него никакие заклинания не действуют.

— Благодарствую. С деньгами мы и без образования можем обойтись. Следующий.

— Консерватория на хуторе близ Диканьки.

— И что там у вас?

— О, у нас выше крыши. Никакой платы за обучение. Все бесплатно. По вечерам концерты в корчме со всякими приключениями в стиле Хичхока. Конечно, раз в год— безвозмездная помощь в размере пяти тысяч зелени— всего-то. И опять гуляй, рванина от рубля и выше. После окончания консерватории— преподавание в институте культуры или приготовление консервации на дому.

— Хорошо, Учтем. Вы свободны.

Через некоторое время соискателей пригласили в кабинет. Народу набилось до отказа.

— Господа,— обратился к собравшимся кандидат в студенты,— Я устал. И где вас столько набралось! Но, слава богу, экзамены или тендерные торги, если говорить научно, закончились. Результаты я объявлю через неделю. Мне необходимо еще проверить уровень жилищно-коммунальных услуг, оценить культуру общения преподавателей, выяснить наличие культурной программы в свободное время в учебных заведениях, которые участвуют в тендере на право зачисление меня своим студентом. После этого я сообщу своему отцу

окончательное решение. До встречи. Кому-то из вас крупно повезет.

Дождался

Однажды в студёный январский день, когда хороший хозяин не выгонит собаку на улицу, в дверь Власа Исаевича Ветчинкина постучали. Дряхлый старик, кряхтя, встал с постели, на которой он готовился умереть, и шаркая истоптанными туфлями, пошел открывать. На пороге стояли двое молодых людей с мотками телефонного кабеля на плечах и сумками с инструментом.

– Ветчинкин Влас Исаевич?– спросил один из них.

– Да, это все еще я,– ответил старик.

– Мы пришли устанавливать вам телефон согласно вашего заявления,– сказал другой.

– Я не помню такого заявления,– прошамкал дед.

– Ну как же? Улица Столетова 121, квартира 65.

– Все правильно,– подтвердил Ветчинкин, тяжело дыша,– только мне уже не до телефонов, ребята. Бывайте здоровы,– и захлопнул дверь.

Через два дня позвонили опять. На этот раз с парнями пришла сердитая женщина с папкой в руках, одна из тех, кто строго придерживается буквы закона. Швондер в юбке. Видимо, это была тяжелая артиллерия телефонистов. Она взяла сразу с места в карьер:

– Гражданин Ветчинкин, вы мешаете нам работать, создаёте дополнительные трудности и помехи. Если у вас память

ненадежная, так вот ваше заявление от 12.01. 1979 года. Черным по белому.

— Хм,— вяло усмехнулся Влас Исаевич,— ну дайте мне мое заявление, почитаю, как я писал, будучи в средних годах.

Женщина нетерпеливо подала два листа бумаги, уже пожелтевших от времени.

— Еще и написали целое послание,— сухо добавила она,— а теперь нам голову морочите.

Дидуган бережно взял в руки послание давно минувших лет, нацепил очки и прочитал:

«Начальнику городской телефонной станции
Тов. Друзякину А. В.

Уважаемый Архип Виссарионович! Не знаю почему, но у меня со школьной скамьи осталось огромное почтение к Вашему учреждению. Мудрые учителя внушили мне, что это— цитадель неподкупности, где работают исключительно Альцесты и прочие святые нашего судьбоносного времени. Вот уже сорок пять лет они плодотворно работают над обеспечением инвалидов гражданской и отечественной войн, и есть перспектива того, что лет эдак через двадцать этот подвижнический труд с помощью всевышнего будет закончен. Ну это так, к слову.

Так вот, в 1960 году полный доверия и пиетета к телефонной сети, я подал заявление на установку мне телефона. Прошли годы. Мои знакомые хитро улыбались, давали мне свои телефонные адреса, а я все ждал, потому что очень хорошо

усвоил насчет цитадели. Опять текли неспешно годы, а вы, Архип Виссарионович, жаловались на судьбу, на инвалидов, ветеранов, интернационалистов, что их так много, и потихоньку тоже старели, а ваше предприятие процветало и по-прежнему напоминало цитадель добра и справедливости. По очереди, только по очереди, ничего, кроме очереди—этот лозунг, казалось, трепетал над зданием управления связи, как флаг, как знамя, как стяг.

С годами я начал робко сомневаться насчет наличия Робеспьеров и Цурюп в штате телефонной станции, но когда соседям установили телефон, молча миновав мою дверь, меня вдруг осенило: а может, это вовсе не цитадель, говоря высоким слогом, а просто дырявое решето, через которое просеивают червонцы, или электрическая сеть, которую замыкает опять же звонкая монета, имеющая значительно большую электропроводность и телефоннопроводность, чем мои романтические ожидания.

Итак, уважаемые товарищи, докладываю результаты социального эксперимента: если вы не обладаете высокой должностью или скрываете ее, не инвалид, не ветеран и не участник боевых действий, способный дорваться до кабинетов с дубовыми дверями, то услугами домашнего телефона будете пользоваться в третьем тысячелетии от рождества Христова.

Я думаю, этими результатами воспользуется сессия городского совета народных депутатов нового созыва при реше-

нии вопроса о переводе товарища Друзякина А. В. на более легкий участок деятельности, потому что уж очень тяжелая, обременительная работа выпала на долю указанного Друзякина. Говорить одно, а делать совсем другое— это архитрудно, это пахнет раздвоением личности и попаданием в психдиспансер.

Уважаемый Архип Виссарионович! Знаю, что в вашем аппарате продолжают работать исключительно честные и стерильно белые и пушистые люди. Как-то неловко говорить о возможных ошибках, пристрастиях, дарах и других негативных явлениях нашей производственной жизни. Но все-таки, возможно...невероятный случай...случайная оплошность...описка...вероятность служебных правонарушений, исчисляемая в бесконечно малых величинах...и почему-то заявление, датированное 1968 годом пошло в дело раньше заявления, зарегистрированного в 1960 году. Проверьте, пожалуйста!

Ветчинкин В. И. 12.01. 1979 года»

Мафусаил, на котором уже лежал пепел вечности, наконец дочитал свое заявление, аккуратно сложил и передал неподкупной женщине.

— А неплохо написано,— сказал он,— я его накатал в приступе злости и негодования. Видимо, Архип Виссарионович так и не усмотрел недостатков в действиях своих подчиненных. Прошло всего тридцать четыре года, и вы пришли мне устанавливать телефон. Спасибо, но мне уже не надо. Пра-

внуки научили меня пользоваться мобилкой, самой простой, какая только есть. Я звоню внукам, а также в госпиталь, когда особенно прижмет стенокардия. Я рад, что исполнилось мое пророчество насчет третьего тысячелетия, и скрипучая телега телефонной бюрократии все-таки дотащилась до моей двери, за что я не заплатил ни рубля, ни гривны и чем могу гордиться.

– Так будем устанавливать или нет?– настырно спросила женщина.

– Деточка, я же вам сказал: спасибо.

– Учтите, у нас есть юристы, и мы будем жаловаться,– не отступалась служащая,– мы вас оштрафуем. Вы еще заплатите.

– Жалуйтесь,– горько усмехнулся дедушка,– надеюсь, что ваша жалоба будет идти таким же темпом, как и моя. Учтите только, что скоро адрес мой изменится. Пишите: город Свейск, городское кладбище, могила № 394.

– Антонина Куприяновна,– сказал один из парней,– оставим это конченное дело. У нас еще девять адресов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.